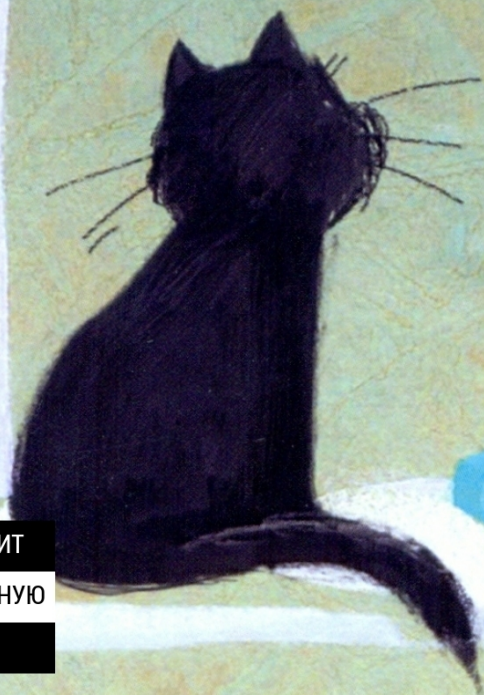

Наталя Хоць

Пісненькі
для
Душы

2

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Наталья Хоц
Пилюльки для души 2

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Хоц Н. Б.

Пилюльки для души 2 / Н. Б. Хоц — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Это небольшие рассказы про жизнь, знакомую каждому человеку.
Своеобразное антистрессовое чтение с обязательно счастливым концом.
Практически – лекарство для души. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Проклятие	6
Кафе «Лунная дорожка»	15
Мал золотник, да дорог	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

ОДОБРЕНО Минздрав России

друзьями и родственниками   никакого отношения
автора   к средству не имеет

ИНСТРУКЦИЯ

по применению препарата

ПИЛЮЛЬКИ ДЛЯ ДУШИ

Регистрационный номер: АБВ№1234567890 от 20.10.2010

Международное непатентованное название: пилюльки для души

Лекарственная форма: небольшие тексты

Состав: каждая пилюлька содержит:

лиризма – 2-8%; драматизма – 1-3%; комизма – 0,5-2%; доброты и позитива – 87-96%,
happy end.

Фармакологические свойства: терапевтическое чтение от стресса **Показания к применению:**

- нахождение в состоянии стресса;
- профилактика стресса;
- усталость;
- грусть;
- скука;
- езда в общественном транспорте;
- бессонница;
- пребывание на отдыхе;
- романтический настрой;
- свободная минутка.

Противопоказания:

индивидуальная непереносимость подобных текстов или автора **Способ применения**

и дозы:

чтение вслух или про себя, 1-2 пилюльки в день **Передозировка:**
маловероятна

Взаимодействие с другими текстами:

желательно и всячески приветствуется

Особые указания:

использование пилюлек не может дать положительный эффект при допинг-контроле

Условия хранения:

хранить в доступном для родных и друзей месте, при температуре благоприятной для поддержания жизни

Проклятие

– Я тебя прошу. Ну, что тебе стоит! Подумаешь, придем, посидим, поедим, что немало важно, и уйдем.

– Неудобно. Меня же никто не приглашал.

– Глупости какие. Как они могли тебя пригласить, если в глаза не видели?

– Вот именно.

– Зато я-то тебя знаю. Поверь мне, все будут счастливы, если ты придешь. Знаешь у них какой институт? Одни мальчишки, прям, семинария. А у нас все наоборот, так что знакомство взаимовыгодное.

– А почему надо идти домой к кому-то, почему нельзя встретиться на нейтральной территории?

– Где? В ресторане что ль?

– Можно в антикафе.

– Отлично. Чай, печенюшки и шашки. Молодец. То, что надо.

– Ну, «Му-му» какое-нибудь.

– Еще Макдональдс скажи! Надь, ну не тупи! Хочется спокойно посидеть, потанцевать, поболтать. Только сразу учти, Витька мой. В его сторону даже не моргай.

– И сколько же там будет парней?

– Не знаю, человек пять-шесть, а что?

– А нас двое?

– Ну, давай Вальку возьмем, за компанию.

– Вот, другое дело! Почему сразу не догадалась?

– Почему, почему? Думаешь, ей моей просьбы не глядеть на Витьку, будет достаточно?

– Зато ты сразу поймешь, твой это человек или нет. Поведется твой Витька, все, досвидос!

– Много ты понимаешь! Досвидос! Витька – москвич! Нам с тобой год до выпуска остался. Через год прощай Москва, все планы, надежды, перспективы. Здравствуй, Мухосранск, задрипанная работа, муж-неудачник, сопливые дети, в общем, весь набор глубокой провинциалки.

– А у московских барышень, по-твоему, не бывает мужа-неудачника и сопливых детей?

– Если так, то они дуры непроходимые! При таких-то возможностях!

– По-моему, счастье не зависит от географии. Можно быть абсолютно счастливой в моей Сортавале, и абсолютно несчастной здесь.

– Вот поэтому я тебя и беру с собой, солнце мое! Вальку тоже взять придется. Витечка просил хотя бы трех подруг, и так возьму двух, лишняя конкуренция мне не нужна.

Так и получилось, что мы втроем накрашенные и принаряженные шли в гости к незнакомым умным мальчишкам, будущим физикам-ядерщикам.

– Валька, как человека тебя прошу, не подходи к Витьке! – в который раз, как мантру повторяла Аня.

– Да успокойся ты! Хата его?

– Нет. Его друга.

– Вот этим другом и займусь.

– Не советую. Там какая-то темная история...

– Обожаю темные истории. Обожаю участвовать в темных историях. Обожаю сама организовывать темные истории.

– Ох, Валентина, кабы не Надька, ни в жизнь бы тебя не взяла с нами!

– Ань, расслабься. Я на время прекратила активный поиск, немного пострадаю по Дронову, дня два... Так что считай, у меня сегодня постный день.

Квартира мне показалась роскошной. Просторная, трехкомнатная, захлавленная сверх меры, так это ж поправимо. А вот хозяин не понравился категорически. Хмурый, если не сказать угрюмый, небритый тип резко контрастировал с замечательной, веселой компанией молодых интеллектуалов. Хорошо, что глаза он нам не мозолил, в основном сидел на кухне, курил, варил кофе, причем настолько крепкий, что не стала бы такой пить даже под угрозой расстрела. А уж когда увидела, как он обжимается с Валентиной, поставила на нем ярлык бабника и просто перестала обращать внимание. Вот Анькин Витя – замечательный парень и другие тоже, мы так прекрасно танцевали, играли в шарады и буриме. Ни скабрзностей, ни пошлых намеков, ни грубых слов в разговоре, по нынешним временам, удивительное дело! После одиннадцати стали закругляться. Я перемыла грязную посуду, не привыкла оставлять после себя бедлам. Витя пошел провожать Аню, меня провожали двое Гена и Леня, а Валентина осталась у странного субъекта.

– Наденька, мы в следующую субботу едем ко мне на дачу, – долговязый, немного нескладный Гена нервно поправлял очки, – ты составишь нам компанию?

– С удовольствием, ребята. Замечательно сегодня посидели. Только этот ваш, Сергей, какой-то странный. Как вы с ним дружите?

– Ты не права. Серега нормальный парень. Просто ему дико не повезло с личной жизнью.

– Извините, конечно, но судя по тому, что Валентина там осталась, если ему и не повезло, то не так уж дико.

– Надь, а Валентина ваша подруга?

– Подруг выбирают, а соседей по общаге нет. Мы втроем в комнате живем, вот и все.

– Ну, тогда не обижайся, но она не такая уж большая удача для Сереги, – коренастый, смешливый Леня подхватил меня под руку и прокатил по ледяной дорожке, образовавшейся на тротуаре.

Чуть не свалились под конец, но Генка подхватил с другой стороны, и мы устояли. А потом бегали, распугивая поздних прохожих, я поджала ноги, а они меня таскали с гиканьем и свистом. Хохотали до упаду, в прямом смысле, закончили провожанье в сугробе.

– Все, ребята, бегите скорей, а то на метро не успеете.

– Ой, правда. Но мы договорились, Надя, да? До субботы? – До субботы, до субботы.

Мальчишки бросились в сторону метро, на ходу вытрясывая снег из ботинок и перчаток. Смешные. Хорошие. Жаль, сердечко ни по одному не забилося. Зато компания классная.

– Ну, Валентина, и попостилась. «Два дня, два дня»... Двух часов не прошло, как повисла на этом смурном типе, – возмущалась я, когда мы с Анютой глубокой ночью в общаге делились впечатлениями о прошедшем дне, – прямо стыдно за нее.

– Мне за нее не стыдно, а страшно, – прошептала подруга.

– Не поняла.

– Мне Витя рассказал про этого Сергея. Мистика из разряда фильмов ужасов. Отвергнутая невеста-ведьма. Какие-то проклятия. В общем, из нормального пацана он превратился чуть ли не в отшельника...

– Ничего себе отшельник! Вальку в качестве послушницы себе оставил?

– Ты дослушай! Я так поняла, что со всеми девчонками, с которыми он пытается хоть как-то контактировать, что-то случается...

– Залет.

– Да нет! Не старайся казаться циничней, чем есть. Там вроде вообще до постели не доходит.

– Чтоб с Валентиной до постели не дошло!

– Вот и поглядим.

– А что с другими случилось-то?

– Переломы, вывихи, сотрясения мозга...

– Он их бьет, что ли?!

– Нет, конечно. Так как-то получается.

– Анька! Ты себя послушай, что за бред! Суровый отшельник, проклятие отверженной ведьмы, батальоны покалеченных девиц...

– Ну, что-то в этом роде. Про батальоны я не говорила. Но две девчонки точно пострадали.

– Бедная Валька. Где же нам ее искать? В больнице? Или сразу в морге? Слушай, а давай мы будем этому упырю подгонять всех, кто нам не нравится. Денег до ступухи не одолжила – ступай, поцелуйся с Сереженькой, дорогая. А эта долг не вернула – к нему, красавчику.

– Точно. Препод зачет не поставил – поцелуйчик ему!

– Ха! Правильно! Чего мужиков-то обходить. Слушай! Ему надо в суде работать. Как только кого признают виновным, так тут же выходит Сережа и смачно целует того.

– А тот: «Нет! Только не это! Лучше смертная казнь!»

Мы так развеселились, что еле расслышали звонок телефона. Валентина! Два часа ночи! Смех прервался мгновенно. Не свечку же подержать она нас хочет попросить.

– Девчонки, – голос какой-то тихий и гнусавый, – я в 36-ой больнице. Привезите мне утром тапки, ночнушку, в общем, сообразите что, ладно?

– Конечно, а что с тобой?

– Чуть кони не двинула. Спасибо, сотрясением отделалась. Голова очень болит. Жду вас утром. Пока.

Мы с Анькой уставились друг на друга.

– Мама, – сказали хором.

Прогуляв первую пару, примчались к Валентине. Принесли ей все необходимое и ждали хоть каких-нибудь комментариев о случившемся. Вид Вальки испугал по-настоящему, тут не до ерничаний. Забинтованная голова с кое-где проступившими каплями крови, заплывшие глаза.

– Как же так получилось, Валечка? Это Сергей тебя... – Ну, вы даете! Сергей! Если бы не он, я бы утонула. – Час от часу не легче! Где утонула? В кровати что ли?

– Прекратите, мне лежать больно, а смеяться вообще жуть. Я хотела, как в фильме «Красотка», помните, залезть с ним в ванну. Открыла воду, поставила свечи, разделась. Думаю, сейчас пену напушу, лягу и его позову. Полезла в ванну, поскользнулась, стукнулась затылком и отключилась. А он на бульк прибежал, вытащил меня, я под водой была, искусственное дыхание мне делал, говорят, я-то не помню, потом Скорую вызвал. Вот ведь дала себе зарок, два дня без секса провести!

– Теперь, небось, месяц грешить не будешь. Поживешь нормальным человеком.

– Ой, девки, сколько вы всего упускаете, со своей моралью дремучей. Гуляй, пока молодой! Слышали такой слоган? Что вы на старости лет вспоминать-то будете? Семинары да зачеты?

– Да, Валентина, – лежачего не бьют, но она меня разозлила, – а тебе, конечно, будет, что внукам рассказать. И как пьяная с тремя парнями в мужском туалете заперлась, а ключ в унитаз спустила. Как вас МЧСники эвакуировали. Как лечилась от всяких болезней нехороших. Как сейчас красавицей в больнице валяешься...

– Поскользнуться может каждый. А внукам рассказывать... Будут ли те внуки, Надежда! Жить надо сегодня, а что там потом будет, нам не ведомо.

– Что с тобой говорить. Хоть бы спасибо сказала. Позвонила-то, между прочим, ты не парням своим, а нам – занудам.

– Спасибо. Приходите иногда, ладно?

– Придем, куда мы денемся, не волнуйся. Поправляйся.

В субботу мы с Анькой, нагрузившись пирожками, которыми пекли всю ночь, ехали на электричке в Загорянку на дачу Гены.

– Слушай, а этот проклятый там будет?

– Не знаю. Наверно. Они же друзья.

– А Валентины не будет... Ты с Виктором. Это что же, он на мне будет экспериментировать?!

– Надь, расслабься. Насколько я поняла, это к нему девчонки клеились. Он просто не возражал. Держи себя в руках, и Склиф тебе не грозит.

– Вот в ком я уверена, так это в себе!

Ошиблась. Вечером, когда вшестером возвращались в Москву – Аня с Витей, я, Гена, Ленья и Сергей – глядя на проносящиеся за окном вагона огоньки, с грустью подумала: «Вот за этого человека я могла бы выйти замуж. Но не судьба». Подумала... о Сергее. Не понятно почему. Ничего не произошло особенного. Вел он себя безукоризненно, не приставал, веселился вместе со всеми, нахваливал пирожки как все, и бабу снежную лепил и в снежки играл. Сергей тогда и Сергей сегодня – два разных человека. И сегодняшний мне понравился, что тут сделаешь.

Девятым валом на нас надвигалась сессия. Но где-то между зачетами и экзаменами вклинились главные праздники – Новый год и Рождество. Я уезжала домой, ребята меня провожали. А вот Сергея среди провожающих не было, и, кажется, я догадывалась почему. Вчера из больницы выписали Валентину.

– А мы на даче будем справлять, – Генка был явно расстроен моим отъездом, – елку на участке нарядим, камин разожем, сварим глинтвейн, а кто нам пирожков напечет?

– Аня напечет, а Валя ей поможет.

– Надь, мы ее не пригласили. Все же Новый год надо встречать с друзьями...

– А как же Сергей? Он же вроде с Валентиной?

– Вот это точно нет.

На душе потеплело. Мы распрощались, твердо договорившись о встрече на каникулах. Поезд набрал ход. Народу в плацкарте было много, предновогодние деньки самое разъездное время. И вдруг:

– Привет!

– Ты?! – сначала думала, показалось, но нет, передо мной стоял Сережка собственной персоной.

– Решил проводить тебя до Бологого. Поехал бы до Питера, но завтра у меня экзамен, как раз перескочу на встречный и утром буду в Москве.

– Ну, ты даешь!

Мы простояли в тамбуре полночи, ровно до Бологого, не замечая ни времени, ни холода. Не устали и не наговорились. Когда выходил, не попытался поцеловать, просто коснулся рукой руки. И тепло его прикосновения грело меня всю дорогу до дома.

Дом, есть дом. Родители, братишка, бабушка, все вертелись вокруг меня, наперебой что-то рассказывая, показывая, советуясь и советуя. И все же в этом водовороте мне удалось как-то улучшить минутку и поговорить с бабушкой наедине.

– Бабуль, ты веришь в проклятия?

– Наденька, я в бога верю, а не в проклятия. – То есть нельзя никого проклясть?

– Надюш, я думаю, есть свет – есть тень, если есть добро, есть и зло. Но добро сильнее. Если бы капля рая попала в ад, ад стал бы раем. Если человек молится и не грешит, хм, старается не грешить, то никакие проклятия ему не страшны.

– А если он в бога не верит?

– Не про себя говоришь. Уже хорошо. Если сам не верит, пусть за него молится тот, кому он дорог.

– Бабушка, ты думаешь, этого достаточно? – и я рассказала ей про Сережу, про его бывшую девушку, про нашу Валентину.

– Ну, ваша Валька сама допрыгалась. Если гробишь, то и получаешь по заслугам. Это закон. А вот, что касается Сергея твоего...

– Он не мой.

– Что ж я слепая? Твой. Никогда не думала, что скажу это, но может тебе к Капе Нюман сходить. Посоветоваться.

Я ахнула. Капа Нюман была вечной бабушкиной притчей во языцех. Подруги детства, вместе прошедшие голод и неустроенность послевоенного времени, вышедшие замуж в один день, чтобы вскладчину отметить это событие, крестные детей друг друга, разругались в пух и прах, когда Капа начала заниматься целительством и ворожбой. Истинно верующая бабушка посчитала это вопиющим богохульством. С тех пор имя Капы в нашем доме считалось чуть ли не ругательством. И то, что сотни людей, отчаявшихся получить помощь в нашей затрапезной больнице, шли к Капе и выздоравливали, бабушку нисколько не впечатляло. «Дьявол хитер, – говорила она, – вместе с хворью душу заберет, и не заметишь». И вот теперь она посылала меня к этой «поклоннице Сатаны»!

– Она недавно батюшку нашего с того света вытянула, – нехотя призналась бабуля, – может не такая она и гадкая. Только пойдешь одна. Я к ней ни ногой!

Около дома Капы Нюман толпился народ. Некоторые ждали очереди два дня. Стояла и думала, что не стану терять драгоценное время на эту ахинею. И так три дня только осталось, скоро уезжать. Вдруг дверь домика распахнулась, Капа сама вышла на порог, оглядела толпу и, выпевив меня взглядом, поманила к себе.

– Наденька, здравствуй. Какая ты стала взрослая. Сама себе не поверила, когда тебя здесь почувствовала.

Провела меня в дом. Комната целительницы удивительно напоминала бабушкину светелку, вся в иконах.

– Неужто непогрешимая Нила снизошла до меня и внучку свою любимую ко мне прислала?

– Все так.

– Вижу, что скептически ты настроена, но все же пришла, – она закрыла глаза и провела вдоль моего тела рукой, – здорова, горлышко только побаливает...

– У меня другой вопрос. Про проклятия...

Глаза бабы Капы распахнулись, взгляд потемнел:

– Проклятиями не занимаюсь.

– Нет-нет, дело в том, что моего друга, наверно, прокляли... Если это, конечно, возможно...

– Ах, вот что. Ну, давай, поглядим на твоего друга. Думай про него... Ясно, Фома неверующий... Да, это твой человек, девочка... Ой!

– Что?

– Не отвлекайся, думай...

Она надолго замолчала, не открывая глаз, шевелила губами, водила руками. Я дышать боялась. Почему-то было очень страшно.

– Ты права, страшно. Надо ж так было вляпаться... Ему, тебе... Впрочем, ему повезло, ты его единственный шанс... Но ты-то согласна столько сил на него положить?

– Согласна.

Баба Капа оценивающе посмотрела на меня, велика ли моя решимость. Кивнула и улыбнулась.

– Справишься. За тобой два ангела-хранителя стоят. Будем работать. А бабке своей скажи, что не выбирала я себе такую судьбу. С превеликой радостью отказалась бы от дара. Не в силах. Кто дал, тот и назад возьмет. Пусть Нила придет, чайку попьем, а я заодно ей с артритом помогу справиться. Про артрит не говори, а то не придет.

Через три дня уезжала в Москву, увозя домашние соленья-варенья и ворох инструкций от Капы Нюман, как противостоять нечистой силе. Главное, что поняла, самое веселье начнется на свадьбе, о которой пока не было и речи. Если Сережка переживет этот день, можно будет выдохнуть. Но рассказывать обо всем этом нельзя было никому, даже ему. Прямо Элиза из сказки Андерсена. Спасибо, хоть разговаривать не возбранилось.

Наша с Сережкой love story наверняка была похожа на тысячи других, с одним существенным но! Никаких телесных контактов, даже поцелуев. Для него это было труднее, чем для меня, но принял, согласился. До свадьбы ни-ни. Зато с походом в ЗАГС тянули недолго. На Красную Горку был назначен день бракосочетания. Не хотели никакого пафоса, но родители уломали устроить настоящее торжество. Покупая белое платье, почему-то подумала, как ярко на нем будет смотреться кровь. Поспешила прогнать глупую мысль. Сняли кафе, рядом с Сережиной квартирой. Кстати, я продолжала жить в общежитии, правда, наше будущее семейное гнездо отдраила до блеска. Друзья решили, что ошиблись адресом, когда пришли в квартиру после генеральной уборки, Серега светился от гордости, а я знала, самое трудное впереди. Каждый день не забывала читать утреннее и вечернее правила, исповедовалась, причащалась, выстаивала долгие службы Великого поста. Готовилась.

Как-то раз уже перед самой свадьбой мы с Сережкой бежали оставлять аванс в кафе и определяться с меню. Ему позвонили, он остановился, все также держа меня за руку, и стал обсуждать что-то по работе. И тут я кожей почувствовала опасность. Обернулась, словно невзначай, и увидела симпатичную девушку, идущую под руку с молодым человеком. Девушка улыбалась и смотрела на нас. А вот взгляд! Сразу поняла, она! Ведьма! Но вместо испуга ощутила ярость. И силу. Мысленно прочитала «Отче наш», перекрестилась сама и перекрестила Серегу. Девчонку словно скрутило. Она отбежала к кустам, где ее вырвало. На шум обернулся Сережка, увидел ее, побледнел и быстро потащил меня прочь. Не стала задавать вопросов. Зачем? И так все ясно. А еще было ясно одно. Справлюсь. Я люблю Сергея больше, чем она его ненавидит.

Утро дня свадьбы было солнечным и не по-весеннему теплым. Накануне поставила свечки и заказала молебны за здоровье в семи храмах. Мои родные остановились у родителей Сережки и теперь они вместе встречали жениха с друзьями у входа в общежитие, а девчонки готовились к продаже невесты, то есть меня. Судя по количеству заготовленных конкурсов, ребятам придется серьезно раскошелиться.

– Анечка! Прошу тебя, если что-нибудь пойдет не по плану, сверни все побыстрей, ладно?

– Ох, Надька! Торопыга какая! Мало того, что раньше меня замуж выскакиваешь, мы с Витечкой только осенью пожениться думаем, так ей еще весь процесс выкупа скомкать хочется. Нет уж. Все будет по полной программе!

Вот уж точно, по полной программе. Во-первых, из двух заказанных машин, одна заглохла. Пришлось Лёне садиться за руль своей недавно раздолбанной Лады Калины. Разбитая фара и прикрученный проволокой бампер изысканности ей не добавляли, ну да это не важно. Зато жениху и невесте можно было доехать до ЗАГСа в разных машинах, как положено. А вот то, что во время очередного конкурса над головой жениха взорвалась, перегорая, лампочка, осыпав его дождем осколков и порезав лицо и шею, было хуже. Но тоже терпимо. Умыли, заклеили пластырем, нашли другую рубашку, в общежитии все можно найти. Выкуп состоялся.

Дальше расселись по машинам. Я с девочками и родителями в заказанном лимузине, мальчишки на Ладе. К ЗАГСу мы подъехали первыми. Вышли из машины, и тут повалил снег. А я еще пальто брать не хотела! Открыла дверцу, чтобы взять пальто, и замерла от мысли, сейчас случится что-то нехорошее. Что-то очень плохое! Начала молиться, прижимая крестик к груди. Как в замедленной съемке вижу приближающуюся машину ребят, они делают левый поворот, чтобы подъехать к ЗАГСу, и в них на полной скорости врезается другая машина, едущая прямо. Если бы в последний момент Лёнька не дал по газам, удар пришелся бы прямо по Сергею, сидящему у задней правой двери. Шансов выжить бы у него не осталось. А так смятый багажник, пара кувырков, и из перевернутой машины выползают живые и почти невредимые мальчишки. Машина восстановлению не подлежит, но это мелочи. Серега в окровавленной рубашке, в костюме с порванным рукавом, с огромной шишкой на лбу и кровоточащим шрамом на щеке – ерунда. Родители в ужасе, девочки плачут, а я спокойна, как слон. Все нормально. Все, можно сказать, хорошо.

Рубашку Сереге отдал мой папа, пиджак сняли с Генки. С лицом, конечно, ничего не поделаешь. Зато таких свадебных фоток ни у кого нет. Расписались.

Дальше надо было как-то переместиться в кафе. Благо, все в одном районе. Решили поймать такси. Все едут на лимузине, а мы с Сережкой на такси следом. Езды-то пять минут. Огромная фура, едущая за нами, мне сразу не понравилась. На светофоре зажегся желтый свет, но водитель решил проскочить, чтоб не отстать от лимузина. Кто ж знал, что маленькая красная машинка замрет у стоп-линии, как вкопанная. Наш шофер вдарил по тормозам, но столкновения избежать не удалось. Небольшое ДТП, можно даже без вызова полиции обойтись. Шофер, ругаясь, выскочил разбираться с растерянной девушкой, что была за рулем малолитражки. А я, повинувшись внезапному порыву, потянула удивленного Сережку на себя, фактически упав сиденье. В тоже мгновение раздался жуткий грохот. На месте, где только что были наши головы, выпирал бампер фуры, врезавшейся в остановившееся такси. Сережка опять был весь засыпан осколками, и кровь из его порезов капала на мое платье, расплываясь багровыми пятнами.

– Господи, во что я тебя втянул, малышка! У тебя должна была быть совсем не такая свадьба.

– Такая, не такая, главное, с тобой. Сережка, мне никто другой не нужен.

– И мне никакая другая не нужна. Но ведь вокруг черт-те что творится!

– Ну, и пусть себе творится. Но мы ведь не капитулируем перед этой чертовщиной?

– Нет.

– Потому что нас двое, и дело наше правое...

– И победа будет за нами!

Именно там под бампером огромной фуры состоялся наш первый в жизни поцелуй. И небо не упало на землю, и не произошло всемирного потопа. Даже солнышко снова появилось из-за туч. И я как-то расслабилась.

Когда мы дотопали до кафе, нас уже потеряли и собирались послать спасательную экспедицию по маршруту нашего вероятного следования. Появление выглядело триумфально: за нами шла толпа зевак, не каждый день по городу, обнявшись, ходят невеста в уляпанном кровью белом платье и жених в разодранном костюме, с многочисленными порезами на лице и со слипшимися от крови волосами. И при этом абсолютно счастливые. Народ озирался, ища оператора с кинокамерой, думая, что идут съемки очередного сериала. Бедные наши мамы! Хорошо, что бабушка осталась в Сортавале, а то бы у нее сердечный приступ случился.

В кафе все прошло без эксцессов. Пили, ели, танцевали, смеялись. Был и первый танец жениха и невесты, и крики «Горько!», и бесконечные тосты, и ловля букета невесты. Но все когда-нибудь кончается, и, собрав в коробки недопитое и недоеденное, мы пешком, больше никаких машин, пошли к Сережкиному, а с сегодняшнего дня нашему общему, дому. Ребята помогли донести подарки и коробки с остатками снэди до лифта, вышли на улицу. Я поднялась

с первой партией коробок, отослала лифт вниз к Сережке, а сама побежала на балкон, помахать ребятам на прощание. Ребята прокричали троекратное «Ура!» и разошлись. А Сережки все не было. Да куда ж он подевался?!

Выбежала в подъезд, вызвала лифт, пришел маленький, не грузовой. Спустилась на первый этаж – никого. Покричала – тишина. Лестница в подъезде очень неудобно расположена, далеко от лифтовых шахт. И свет сегодня там почему-то не горел, темно, хоть глаз выколи. Рано я расслабилась! Собралась, помолилась и отправилась вверх по лестнице, на каждом этаже подходя к лифтам и зовя Сережу. Он, оказывается, застрял между восьмым и девятым этажами. Колотил в стены, никто, и я в том числе, не слышал. Хорошая звукоизоляция в доме! Никакие кнопки не работали, вызвать диспетчера не мог. Телефон свой положил в сумку, которую я забрала. Абсолютно патовая ситуация. Побежала на первый этаж, воспользоваться вторым лифтом было страшно, вдруг тоже застряну. Дозвонилась снизу до диспетчерской службы, видимо разбудила дежурного. Крайне нелюбезный голос отозвался: – Что случилось?

– Лифт застрял. – И что?

– Как что? Надо что-то делать. У меня там жених застрял, вернее уже муж. У нас свадьба сегодня.

– Поздравляю. Что ж вы свадьбу в лифте устраиваете?! – Почему в лифте? Он застрял, понимаете?

– Все я понимаю, девушка, только техника нет, он в запое третий день.

– Что же нам делать?

– Попробую кого-нибудь найти... Но часа два-три посидеть придется... – Ждем.

Поплелась опять наверх.

– Сереж, они говорят часа через два-три придут. Может быть.

– Слушай, давай я попробую двери открыть, а ты попытайся с той стороны. Возьми отвертку, может пригодиться. И мы стали взламывать двери. Дверь лифта Сережке открыть удалось. А вот дверь восьмого этажа стояла насмерть. Попробовала счастье на девятом. Получилось. Открылся примерно полуметровый темный проем, света в кабине не было, и там, на уровне пола девятого этажа, голова моего любимого.

– Давай, попробую подтянуться.

– Страшно, вдруг он поедет.

– Тогда у тебя будет два мужа.

– Не смешно.

Он попытался вылезти, но тут лифт дернулся и съехал вниз сантиметров на десять. Рисковать дальше было безрассудно. Но если гора не может прийти к Магомеду, то Магомед-то мобилен. И не дожидаясь, пока доводы рассудка помешают сделать это, легла на не слишком чистый пол и свалилась во тьму прямо на руки Сережке.

Теперь со спокойной душой могу ответить Валентине, мне тоже в старости будет, что вспомнить. Хотя внукам об этом вряд ли расскажу.

Кафе «Лунная дорожка»

Я сижу на большом, нагретом ласковым крымским солнцем, камне. Передо мной лениво плещется Черное море. За свои двадцать два года я повидала много морей и океанов, повезло с родителями и со Стасом. Те воды были и теплей, и голубей, и чище, но только здесь так щемяще пахнет детством, только здесь я могу сидеть совершенно одна, ни слева, ни справа никого, сколько достаёт взгляд. Вернее, не так. Нас пятеро: мы со Стасом, Дрон, мой брат, с женой Лелькой, вообще-то, он Андрей, но так его зовут только чужие, для своих он Дрон, и Никитос. Мы только сегодня приехали. Добрались до Балаклавы, потом на кораблике приплыли в Голубую бухту, долго брели вдоль берега, пока не нашли замечательное место для стоянки на скале, метрах в десяти над пляжем. Установили палатки, соорудили ужин. Сейчас ребята сидят у костра, Дрон играет на гитаре, до меня доносятся знакомые звуки бардовских песен. А я пришла сюда, чтобы один на один поздороваться с моим старым, еще каким старым, другом – морем.

«Ну, здравствуй, дружище! Сколько мы не виделись? Десять лет. Сейчас тебе расскажу обо всем, что произошло в моей ничтожной жизни. Тебе ведь интересно? Ты же меня любишь. Любишь! Иначе никогда бы так нежно не целовало мои ноги маленькими, приветливыми волнами, никогда бы так бережно не несло в своих ладонях, наполненных водой, теплой, как парное молоко.

Так вот, я окончила школу, а в этом году институт. Хороший институт, поверь мне. Я до сих пор со Стасом, помнишь того худенького парнишку, что так отчаянно не хотел учиться плавать? Он вырос, вон сидит высокий и утонченно прекрасный. Я люблю его, а он меня. Через месяц мы поженимся, так что это наше предсвадебное путешествие. Как хорошо, что ты не будешь морализировать, ведь мы вместе уже целую вечность. Мы и так долго держались, ждали моего шестнадцатилетия. Почему не поженились раньше? Зачем? Нам и так было отлично. А теперь время пришло. Не понимаешь? Я и сама не очень понимаю, но все же попробую объяснить. Наши семьи дружат с тех пор, как родились Дрон, Стас и Никитос. Мама подружилась, гуляя с колясками, потом подтянулись отцы. Когда родилась я, это уже была такая сплоченная команда, что невозможно было себе представить праздников без тети Нины, дяди Толи, тети Люды, дяди Вани, Стаса и Никитоса. А потом дядя Ваня погиб, он милиционером был, и тетя Люда с Никитосом уехали куда-то на край земли, как мама говорила. Мне тогда лет восемь было, и мне казалось, что край света это где-то в районе Северного полюса, я даже плакала, боялась, что их съедят белые медведи. Это сейчас понимаю, что мама шутила, ведь уехали они всего лишь в Подмосковье, не такое уж далекое, в Электросталь. Но наше общение как-то потихоньку свелось к нулю. Только несколько лет назад Дрон нашел Никитоса, пересеклись где-то, и теперь нас снова четверо. Вернее, три мушкетера и Маринка-Малинка, или просто Ягода, то есть я.

Наши с Дроном родители во время перестройки организовали фирму, связанную с молочной промышленностью, всякое там оборудование, управление, бла-бла-бла, в общем наша семья – типичный представитель среднего класса: Турция, Таиланд, одежда из Меги и Европейского, семейные обеды в сетевых ресторанах, это все наше. А вот отец Стаса, дядя Толя, оказался в нужное время в нужном месте и теперь практически олигарх, правда, он терпеть не может этого слова. Говорит, «просто солидный человек». У него все ужас, как круто: дома в Лондоне, Ницце, Барселоне, еще где-то. Они с тетей Ниной знакомы, по-моему, со всеми медийными лицами, бывают на приемах в Кремле. Но когда устают от всей этой суматохи, то просто, как в старые добрые времена, мы собираемся вместе, и жарим шашлыки у нас на даче, правда, за забором маячит охрана дяди Толи, или едим раклеты у них или у нас дома, чаще у них, там намного больше места. Но мне не важно, что они такие

богатые, я просто Стаса люблю. А он любит меня. Мы бы еще сто лет без штампа в паспорте прожили, но дядя Толя говорит, что пора Стаса в бизнес вводить, и почему-то будет лучше, если он будет женат. Ну, надо, так надо. Правда, там какое-то грандиозное действие организовывается человек на пятьсот! Пятьсот! Из них мы от силы 50 знаем, остальные – «нужные люди». Я такую истерику по этому поводу закатила, не хочу участвовать в этой вакханалии, ведь это моя свадьба, первая и последняя! Тетя Нина и мама долго меня успокаивали, уговаривали, хотя маму, по-моему, тоже пугает размах, но она старается вида не показывать, а у тети Нины просто выхода нет, дядя Толя сказал, будет так, значит, так будет. Скала! Хорошо, что у Стаса не такой крутой характер, с ним всегда можно договориться. В результате, уломали меня на свадьбу, которую придется просто перетерпеть, как сказал Стас, вслед за царем Соломоном, «пройдет и это», зато отпустили в этот неорганизованный поход, в который пять лет не пускали. Дрон с Лелей много лет по стране ходят с палатками, а нас со Стасом только в VIP отели Европы отправляли или в апартаменты семьи Стаса, раскиданные по всем курортам Старого Света. Другая бы девчонка за такую жизнь душу дьяволу продала, а я так по тебе скучала, Черное море мое! Ладно, побегу к своим. Не теряй меня,

Костер, разведенный на скале, чай с душистыми травами, кипящий в походном кане, уютные палатки и хорошая компания из пяти лучших друзей, что еще надо человеку для счастья!

– Смотрите, какая яркая лунная дорожка! Может, прогуляемся?

– Ты, Малинка, себя с Иисусом Христом-то не равняй, – Дрон тихонько перебирал гитарные струны, – прогуляется она по лунной дорожке! А вот поплавать ночью... – Гольми!

– А как же иначе! Это можно.

И мы, хохоча и перешучиваясь, побежали на берег, где целомудренно, девочки налево, мальчики направо, разделись и бросились в объятия моря. Лелька плавала у берега, она боится глубины, а мы с парнями устроили водные салочки. Для меня вода

– родная стихия, так что играю наравне с мальчишками, мне не нужны скидки на пол и возраст. Правда, когда я Стаса поймала, мы с ним долго целовались, и Дрон сказал, что ему завидно, и он тоже к Лельке лучше поплывет, а Никитосу ничего не оставалось, как выбраться на берег и отправиться разливать чай.

– Отлично! Теперь я работаю официантом в кафе «Лунная дорожка». Обслуживаю влюбленные парочки. Всю жизнь мечтал.

– Между прочим, – крикнул ему вслед Стас, – хорошая идея сменить профессию. Целее будешь!

Никитос офицер, закончил какое-то военное училище, был в горячих точках, а сейчас в МЧС служит, не знаю кем, но то, что работа не сахар, знаю наверняка. Он был женат, развелся, эта тема нами не обсуждается, может, он что-то ребятам рассказывал, хотя нет, мне бы Стас обязательно передал.

Потом мы сидели у костра и попивали чай с сушками. Дрон достал из рюкзака фляжку с коньяком и плеснул друзьям в походные металлические рюмки.

– Дамам не предлагаю, все равно не оцените благородство напитка... – Зато твое неблагородство мы оценить успели, жадина!

– Ну что за сеструха у меня, вечно перебивает! Все равно не налью, кто вас знает, может вы беременные...

Мы с Лелькой с опаской переглянулись, ты да? Да нет! Пока, во всяком случае.

– Мы такие же беременные, как вы за рулем!

– То есть потенциальные. Отвяжись, язва. Дай нам выпить за мужскую дружбу. Парни, за то, что мы друг у друга есть!

Они чокнулись и выпили.

– Интересная у нас компания, – я тихонько хихикнула, – один разведен, другой женат, а третий сто лет решиться не может. Трус, балбес и бывалый, – теперь хохотали все.

– Ты же сама не хотела, а теперь меня попрекаешь, – шепнул на ухо Стас.

– А нечего было меня слушать. Отвел бы в ЗАГС силой, и не надо было бы теперь мучиться с этой свадьбой.

– Вот и пойми тебя, Ягодка. Тогда раньше бы мучиться пришлось. По палаткам разошлись уже под утро. Зачем нужны дорожные огромные гостиничные номера класса люкс, помпезные спальни в стиле барокко, как любит дядя Толя? Палатка, надувной матрац, нежные руки Стаса, его губы, тело, стройное, почти как у меня, если бы не размах плеч и... еще кое-что. Старалась не сильно вздыхать и охать, но в конце не сдержалась, протяжный стон все же вырвался... И эхом отозвался из палатки брата.

– Это уже порнография какая-то, – пробурчал Стас, – надо завтра палатку подальше переставить.

– Порнография начнется, если стонать Никитос начнет! – посмеялись, поцеловались и уснули.

Утром, не сговариваясь, Стас и Дрон молча переставили палатки подальше друг от друга. Никитос только посмеивался, помешивая кашу, он сегодня был дежурным.

– Я сегодня сварю вам настоящее харчо, кто со мной на базар?

– Какой еще базар? – Дрон потянулся и зевнул, – ты, как настоящий воин, должен уметь сварить кашу из топора.

– Сварить-то я сварю, только ты это жрать откажешься.

– Как хотите, а мы с Лелей сегодня никуда с места не сдвинемся. Будем плавать, загорать.

– Излишествами разными заниматься, – вставил Стас.

– А хоть бы и так. Имеем право! У нас, в отличие от некоторых, все чин чинарем, о чем и свидетельство есть.

– Вы, милостивый Государь, изволили заподозрить меня в бесчинстве, – Стас поднял увесистый сук, – защищайтесь!

Брат тут же подхватил другую палку, включившись в игру:

– Сейчас ты будешь отомщена, о, сестра моя!

– Так ты сестрат?!

– Увы! Не смею отрицать!

Великовозрастные мальчишки начали махаться, вроде дурачась, но толстые деревяшки трещали и ломались, как прутики. Обожаю этих дурачков. Но надо прекратить глупую забаву, как бы не покалечились, от лихости. Схватила кепку, за неимением платка, и кинула между ними.

– Прекрасная дама желает идти на базар. Кто из вас, доблестные рыцари, будет сопровождать меня в сим походе и оберегать от злых ворогов, тот получит мою руку и сердце, – и уже другим тоном, – а вас, Дрончик, я попрошу остаться!

– Да ладно! – заныл Стас, – Никитос прекрасно и один справится.

– Что?! Мой верный рыцарь хочет отдать меня в лапы варвара – наемника?!

– Ну, ладно варвар! Но почему наемник? – оскорбился Никитос, – Кто это меня нанял?

– Не будем вдаваться в подробности. Смирись, несчастный.

– Никогда! Я поднимаю бунт.

– Вот видишь, – обратилась я к Стасу, – кругом враги и бунтари, а ты еще не бежишь надевать штаны?!

– Да бегу я! Бегу!

Через полтора часа мы втроем подошли к местному рынку. Никитос быстро закупил все нужное, а мы долго выбирали необязательное. Около помидоров минут пятнадцать топтались, никак не могли определиться, какие лучше.

– Не теряй! – Никитос протянул мне мой кошелек.

– Ничего себе. Как это я... Спасибо...

Посмотрела на свою барсетку, она была аккуратно разрезана. Кошелек явно вытащили, а потом бросили что ли? Или Никита их спугнул? Непонятно! Больше я кошелек из рук не выпускала. Наконец, мы загрузились по полной программе и направились к выходу.

– Предлагаю нанять шерпа – носильщика, – Стас, нагруженный пакетами, выглядел комично. Обычно он их касается, только перекладывая из магазинной тележки в багажник машины, вынимает покупки уже кто-нибудь другой.

– Не получится, дорогой, мы не в Непале.

– Это не повод, чтоб мы пали. А где Никитос?

– Да вроде тут только что был, – покрутила головой, но друг, будто в воду канул, – пойдём на причал, может, он там нас ждёт.

Мы уже вышли за территорию рынка, когда за какими-то строениями, то ли складами, то ли гаражами, куда только что проشمыгнули трое парней определенно маргинального вида, мне послышался голос Никитоса.

– Пойдем, глянем, что там. По-моему, там Ник.

– Что за глупости. Чего он там забыл? А если отошел по нужде, в твоей помощи точно не нуждается. Догонит нас потом.

– Не пойдешь?

– Нет. И тебя не пущу.

– За себя решу сама. Встретимся на причале.

Я была абсолютно уверена, что Стас бросится следом спустя два удара сердца. Поэтому, когда завернув за угол увидела настоящее месилово, пятеро на одного, на нашего Никитоса, не испугалась, а заорав:

– Ну-ка, быстро прекратили! Стас...-закончить фразу не успела, чья-то рука зажала рот.

Мне понадобилось секунд пять на то, чтоб понять, это не Стас, а какой-то упырь, который начал меня откровенно лапать свободной рукой. И такая поднялась во мне ярость, то ли на Стаса, бросившего нас в такой ситуации, то ли на этого подонка, что я стиснула зубы изо всех сил и, видимо, откусила ему пол-ладони. От ужасного крика заложило уши, меня отпустили и я, развернувшись, со всего маха врезала амбалу между ног. Тот мешком повалился на пыльную землю.

– Ну, ты, Ягода, даешь! Идти сможешь?

Никитос оказался рядом, обнял за плечи. Только тут поняла, что меня трясет, как в лихорадке. И плююсь я человеческим мясом.

И ноги не идут. Он подхватил на руки и понес. Посмотрев через его плечо, увидела пять раскиданных по захлавленной площадке тел.

– Они живы?

– Не бойся, живы. Скоро оклемаются. – Жаль. Пусти. Я сама.

Вышли из-за гаражей. Обычная городская жизнь – ходят люди, бегают дети и собаки, идет бойкая торговля, а кажется, другая планета. Или нет. Там другая планета. Какого черта нас туда занесло?!

– Какого черта тебя туда занесло? – зло уставилась на Ника.

– Меня?! Это ты как там оказалась? И где Стас?

Злость, как рукой сняло, стало стыдно... за Стаса.

– Он нас на причале ждет.

– А ты почему по подворотням шарисься? Ищешь неприятностей на свою...голову?

– Да я... Да я... – от возмущения потеряла дар речи, я же тебя, дурака, искала! Но прощадил только, – писать захотела.

– С облегчением!

Посмотрели друг на друга и... улыбнулись.

– Это те, кто мою барсетку подрезал? – он кивнул, а я с изумлением посмотрела на свою левую руку, продолжавшую сжимать кошелек, я крута, – Ты им стрелку забил?

– Ягода! Что за жаргон? Насмотрелась второсортных сериалов?

– Ну, скажи, это ты их сюда затащил?

– Я на больного похож?

– Не увиливай!

– Так склалось. Но чего я никак не ожидал, это твоего эффектного появления.

Я ухмыльнулась:

– А оно было эффектным?

Он остановился и посмотрел на меня очень серьезным, прямо леденящим взглядом:

– Никогда не встречай в такие разборки. Никогда! Дай слово!

– Мог бы просто сказать спасибо. А впрочем, ладно, больше не буду. Раз ты такой неблагодарный.

Никитос перестал буравить меня глазами и расслабился, улыбнулся:

– Спасибо, Малинка! Они на тебя, реально, на мгновение отвлеклись, мне хватило. Но что бы я делал, если бы ты сама с тем пацаном не справилась, а я бы не успел?!

– Если бы, да кабы, да во рту росли грибы... Ты бы переживал, да?

– Да. – Лаконично, но приятно, – Вон Стас сидит.

Мой почти что муж, сидел на скамейке и играл во что-то в телефоне. И подумалось, а хотела бы я, чтобы он оказался на тех задворках. Это совсем не его. Не уверена, умеет ли он драться. Я, правда, тоже не умела до сегодняшнего дня... Нет. Я не хотела бы, чтоб он там был. Странно, думаю о нем, скорее как мать, чем девушка. Непривычное чувство.

– Слушай, – вцепилась в руку Ника, – давай, ничего никому не расскажем.

– Ягода, ты меня пугаешь. Неужели есть девушки, способные не разболтать о таком событии каждому встречному поперечному?

– За одну такую поручусь. – За мной дело не встанет.

Мы хлопнули по рукам.

– Где вы пропадали? Что за видок у вас? Я тут с ума схожу, – Стас вскочил, оторвавшись от телефона с видимым сожалением, не доиграл.

– Мы... туалет искали, – промямлила я. – И нашли, – добавил Никитос.

– Вы что ли подрались за право войти туда первым? – Ага.

Дальше мы хохотали, как сумасшедшие, а Стас недоуменно переводил взгляд с меня на Ника и обратно, чем вызывал новые приступы смеха.

– А где мясо, которое ты купил?

При слове «мясо» веселье для меня резко оборвалось, я успела отбежать к ближайшим кустам, где меня вывернуло наизнанку.

– Что происходит? Малинка! Может ты...

– Нет. Она просто очень не хотела харчо, – грустно пошутил Никитос.

Наконец, мы добрались до нашей стоянки. Дрон с Лелькой вообще ничего не заметили, мы не сильно задержались. Стас пошел спать, Никитос принялся стряпать обед. Хотела ему помочь, но была решительно изгнана.

– Сегодня мое дежурство. Завтра ваше. И завтра я вам помогать не собираюсь, не надейся.

– Была бы честь предложена...

– Честь она предлагает...

– Дурак.

Мы опять обменялись взглядами и улыбками. У нас была общая тайна. Как-то неправильно это.

Опять я сижу на прибрежном камне.

«Море! Я совершенно растеряна. И мне не с кем поговорить, только с тобой. Сегодня оказалось, что Стаса я не знаю. Была уверена, что мы с ним как ниточка с иголочкой, куда один, туда другой. Так и было, когда дело касалось привычной для него среды обитания – фешенебельные дома, уважаемая публика, безукоризненный сервис. Но ведь жизнь, она разная! Кто сказал, что мы всегда будем в шоколаде? А если нет, что тогда? Я-то готова идти за ним куда угодно, а он? Вот Дрон бы ни за что ни Лельку, ни меня не бросил бы. Сам бы кинулся Никитосу разыскивать. Поэтому ему я тоже ничего не могу рассказать, мне стыдно за Стаса. Какое гадкое чувство! Стыдиться за любимого человека! С другой стороны он просто совсем не понял, что мне что-то угрожало. У него нет такого опыта. Можно ли его за это винить?»

А Никитос, конечно, просто герой! Пятерых уложил, с ума сойти! Но это его профессия. А вот если его куда-нибудь на прием дипломатический отправить? Там за него краснеть бы пришлось. Каждому свое. Спасибо, дружище. Я успокоилась. Вроде».

Вошла в теплую, ласковую воду. Нырнула в подбегающую волну, вынырнула далеко в море и размашисто поплыла к берегу. На сердце снова было ясно и спокойно.

Следующие дни были однообразно прекрасны. «Солнце, воздух и вода – наши верные друзья!» Конечно, не обошлось без приключений. Однажды ночью меня разбудил Стас.

– Слышишь, кто-то вокруг палатки ходит...

– Ну, Дрон, наверное, прикалывается, – сонно пробормотала я.

– Дрон! Харе шалить!

Тишина, а потом опять осторожные шаги. Сон пропал мгновенно. Это те, с базара, выследили нас и сейчас...

– Ребята, просыпайтесь, вставайте! – заорала не своим голосом и, схватив увесистый фонарь, как была голая, выскочила из палатки.

Вот что я думала? Что расстреляю их из фонаря? Или что мой вид испугает их настолько, что обратит в бегство? И чего я добилась? Через секунду рядом был Никитос.

– Ох, твою ж дивизию, – только и смог вымолвить он, старательно отводя от меня глаза.

Стас вылез из палатки мгновением позже и укрыл меня одеялом, следом примчались Дрон с Лелькой.

– Ну, – грозно спросил брат, – и что это было?

– Здесь кто-то ходит!

– Тебе это не приснилось?

– Нет, – Стас растерянно смотрел на меня, – я тоже слышал шаги. Мы обошли наше стойбище со всех сторон. Никого. И тут:

– Смотрите на этого бандита! – тихий смех Никитоса раздался за нашей палаткой.

Рванули туда. Сначала ничего не увидели, кроме сидящего на корточках Ника. Я включила фонарь, и тут стало понятно, что причиной переполоха стал обычный еж.

– Вот это да! Такой маленький, а топал, как взрослый мужик.

– Так это ты с мужиком собралась голой при луне плясать? – Стас был рассержен не на шутку.

– Ага! И зрителей созвала, чтоб веселей плясать было! Я, – смотрела исключительно на Никитоса, – испугалась очень. Боялась, что нас кто-то спящими застанет.

Он кивнул и ободряюще подмигнул мне, я тебя понял:

– Абсолютно правильная реакция.

– Правильная? – продолжал кипятиться Стас, – Вообще от тебя такого не ожидал, Ягода. Я бы сам все проверил. Зачем только разбудил тебя...

– «Не буди казака, Ваше благородие! Не буди, атаман, ты судьбу свою...» – напевая, обняв Лельку, удалился Дрон.

Ушел Никитос. Мы еще попрепирались немного, а потом уснули.

Еще Стаса в палатке укусила сколопендра. Тоже была кутерьма. Дрон ногу поранил топором, рубя дровишки для костра, но это все так, мелочи жизни, а вообще все было круто!

Утро восьмого дня тоже намеревалось стать добрым. Правда, море слегка штормило после вчерашнего дождя. Белые бурунчики сердитыми барашками бежали на берег, словно море пыталось что-то донести до нас непонятливых, но, конечно же, безуспешно. С утра была чуть-чуть на взводе. Мы со Стасом дежурили. Вернее как – мы. Стас спит, а я разожгла костер, сварила геркулесовую кашу на сгущенке, наделала бутербродов, заварила чай. А потом подумалось, какого художника! Почему Дрон с Лелей все делают вместе. Все! А я одна, да одна! Причем раньше у меня таких вопросов не возникало. А сегодня почему-то накрыло. Когда все расселись завтракать, якобы весело бросила Стасу:

- Я готовила, ты моешь посуду! – и впилась зубами в бутерброд. Стас посмотрел задорно:
- Не царское это дело!
- Так ты пока не царь!
- Именно что пока.
- Я сказала, ты услышал.
- Я услышал, ты-то слышишь, что говоришь и как?
- Брейк! – рявкнул Дрон – Избавьте нас от ваших семейных разборок, не портите аппетит.

Мы заткнулись. Но как бы там не было, Стас мыть посуду не пошел. Я подождала часа два, потом вымыла четыре миски и кружки, его посуду оставила грязной. Парни играли в преферанс, меня не взяли, дежурь, Ягода! Приготовила обед. Сама себя превзошла – первое, второе, третье и салатик.

Когда садились есть, Стас пробубнил:

- Что это наше кафе испортилось, посуда грязная...
- Посудомойка забастовку устроила, вернее устроил.
- А я не гордый. Из такой поем.

– Поешь-поешь, вместе с компанией муравьев, паучков, может, и твой дружок ежик подлизал остаточки. Но ты ж не жадный.

– Черт, – Стас вскочил и помчался мыть миску.

После обеда посуда снова была в полном моем распоряжении. Стас пошел на принцип. Я тоже. Оставила его приборы валяться у костра и смекала, как бы половчее отнести к морю за раз все миски, кружки, каны и сковородку.

- Я помогу, – Никитос быстро подхватил грязную посуду и направился к спуску.
- Стоять! Ложи взад! – Ник удивленно оглянулся, но остановился. – Мне не трудно.
- Поверь, мне тоже. Просто обидно. Ты дежурил вчера, я сегодня. Все по-чесноку.
- О`кей.

Но посуду не отпустил, все-таки донес до моря. Мне было приятно. Единственный приятный момент этого дня. Да, я сама пошла на конфликт. Могла бы все делать сама, как всегда, и молчать в тряпочку. Взбрыкнула, и вот вам, пожалуйста, Стас ходит надутый, как индюк, я злюсь, все какие-то пришибленные. Но ведь я права!

Ужинали в полном молчании.

– Такой вечер испортили, – Дрон поел и встал, – Лель, пойдем, побродим вдоль берега.

Они ушли. Я быстро вымыла посуду. Всю. И побежала на свой камень. Бурунов уже не было, а волны так же настойчиво стремились на берег, тяжело бухали о мелкую гальку и уползали с шипением обратно.

«Море, я не знаю, что сказать. Я сегодня сама не своя. Что со мной? К тебе хочу». С разбегу перемахнула линию прибоя, поднырнула под волну, а вынырнув, поплыла от берега прочь. Вот буду плыть и плыть, пока не успокоюсь. Пока голова не обретет ясность. Заплыла далеко, обернулась. Ой, мамочки, берега почти не видно. Пора назад. Вот так и вправляются мозги на место, отделяя важное от сиюминутного.

Какая разница, кто моет посуду, кто не моет, если я сейчас потону. Спокойно. Не утону. Надо просто размеренно дышать и плыть не торопясь. И читать стихи.

–
*Над седой равниной моря ветер тучи собирает,
между тучами и морем гордо реет буревестник,
черной молнии подобный.
То крылом воды касаясь, то стрелой взмывая в небо,
он кричит, и тучи слышат*

радость в гордом крике. Буря!

Скоро грянет буря...

Плыла и орала, как буревестник. Все равно никто не услышит за грохотом прибой. Неслась к берегу со скоростью волны, казалось, оставляю за спиной пенный след, не знаю, ни разу не обернулась. Чуть притормозила, когда разглядела на берегу одинокую фигуру, сидящую на моем камне. Наверняка Стас. Переживает за меня. Небось, уже сто раз раскаялся в своем упрямстве. Все. Забыто. Проехали, вернее проплыли. Глубоко нырнула и всплыла там, где уже могла касаться ногами дна. На камне сидел... Никитос. С полотенцем. Настроение опять полетело в бездну.

– На, вытрись. Похолодало. Хотел плыть тебя спасать.

– Что со мной станется... – но протянутое полотенце взяла. Залезла в палатку, надела единственную теплую рубашку,

взятую на всякий случай, завернулась в спальник, отвернулась к стенке и уснула. Сквозь сон слышала, как пришел Стас. Это была первая ночь, когда мы спали спиной к спине.

За ночь море успокоилось, солнце сияло и пекло вовсю. Я во сне скинула с себя спальник, но и в одной рубашке было жарко. Привстала на локте, чтобы снять ее.

– Давай, помогу.

Оказывается, Стас уже не спал. Улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ. Что бы ни было, я люблю его. А он любит меня.

– Пошли завтракать, соня. Леля уже всех звала. Мы быстро оделись и выползли из палатки.

– А не обозреть ли нам окрестные холмы, – размышлял Стас, допивая утренний кофе, – завтра уезжаем, последняя возможность глянуть на наше кафе «Лунная дорожка» с высоты птичьего полета.

– Я за, – подхватил Никитос.

– Я и подавно, – куда Стас, туда и я.

– А мы пас, – Дрон с Лелькой были единомышленны, как всегда, – мы по горам уже набегались. Хватит. Зачехлили ледоруб.

– Ну, до рубки льда, надеюсь, не дойдет, – я поежилась, – это же Крым, а не Гималаи!

– С горами никогда не знаешь, чего ждать, – Дрон сделал страшную рожу, – может, передумаешь, Ягода, пока не превратилась в мусс.

– Тебе бы зазывалой в турфирме работать, туристы валом бы в горы валили, включая новорожденных, беременных и престарелых!

– А ты себя, сестренка, к какой из этих категорий относишь?

– Я отношусь к категории кровожадных братоубийц, и рабочий день у меня уже начался. С этими словами с гиканьем и свистом налетела на Дрона, он потешно отбивался, потом перешел в наступление, и теперь отбивалась я. В общем, показательные выступления брата и сестры, отработанные многолетними битвами. Когда перестали дурачиться, я висела на нем вверх ногами, зато его руки были так переплетены, что пошевелить ими было проблематично, и на нас с восторгом смотрели три пары глаз. Про две пары было все понятно, а вот на кого так смотрела третья?

После легкого обеда мы втроем начали восхождение.

– Никитос, чего ты так разоделся, жарко ведь? – я была в купальнике, Стас в плавках, а Ник нацепил треники и куртку!

– Жар костей не ломит...

– Ну-ну!

Сначала все было легко и весело, потом гора пошла вверх разнузданно круто. Но мы ползли. В какой-то момент, когда под ногами стали осыпаться камешки, я подумала, что стоит остановиться, пока не поздно.

– Да ладно, Ягодка, – Стас находился выше меня метров на десять, Никитос держался рядом, – до вершины рукой подать, еще немного, еще чуть-чуть!

Мы продолжили карабкаться. Когда смотришь вверх, не так страшно, видишь, куда можно ногу пристроить. Главное, не смотреть вниз! Уже тогда отчетливо понимала, что спуститься этой дорогой будет нереально, но старалась об этом не думать. И вот мы выбрались на верхнее плато. Конечно, ни о каком льде не было и речи. А вот прохладно было. Ник сразу отдал мне куртку. Она была явно не лишней. Глянули вниз. Склон, по которому мы сюда забрались, отсюда казался почти отвесным, а далеко внизу маленькими белыми точками летали чайки. Когда мы смотрели на чаек снизу, думали, что парят они над облаками. Ничего себе высота! Теперь вопрос, а как спускаться?

– Можно пойти в обход, – предложил Никитос.

Действительно, склон, ведущий от моря, был гораздо более пологий, весь в виноградниках, а внизу просматривалась деревня. Там, наверно, можно было бы взять машину, объехать гору, дальше на кораблик, и мы на месте. Но, во-первых, у нас не было с собой денег, а во-вторых, забравшись сюда за два часа, думается, что и спустимся тоже быстро. Уж как-нибудь. И мы пошли искать приемлемый спуск. Через сотню метров нашли русло пересохшей реки, наверно, весной тут бывает потоп, а сейчас просто тропа, ведущая к морю. Правда, чтобы спуститься на эту тропу, пришлось продирааться сквозь какие-то колючие кусты, растущие на склоне. Ник отдал мне свои треники тоже.

– У меня аллергия на какую-то траву, – Стас ободрал руку и теперь с ужасом смотрел на большое саднящее красное пятно, – вдруг на эту? Вдруг я умру?

– Не волнуйся, выживешь! – сняла и отдала ему брюки и куртку. Ник промолчал.

Одетый Стас спустился первым. Мы шли следом, Никитос впереди, стараясь удерживать колючие ветки и одновременно страховать меня. Поцарапались, но не сильно, терпимо.

Какое-то время думалось, что нам повезло, мы спокойно добредем до моря, но не тут-то было. Первый обрыв был невысокий. Как-то мы его обошли, проскользили по осыпающимся краям, камни из-под ног с грохотом унеслись вниз по руслу реки.

На душе стало тревожно, а вдруг обрывчик не один? Накаркали. Второй был тоже невелик. Никитос придумал, как его пройти, лег на живот, подполз к краю, ногами вперед, повис на руках и оп, он внизу.

– Не бойтесь, давайте за мной, я поддержу. Стас, отдай Малинке одежду!

Какое там! Посмотрела на Стаса и поняла, что он панически боится. Взгляд безумный, подбородок дрожит.

– Я с тобой, – дотронулась до его небритой щеки, – все в порядке. Мы не замерзнем, не свалимся в пропасть. Посмотри, тут и пропасти нет. Просто маленькое приключение.

– Ма-аленькое... За каким чертом ты меня сюда потащила? – вдруг заголосил он.

– Это же ты предложил, посмотреть...

– За каким чертом мы поперлись в этот долбаный поход?! Я тебя спрашиваю!

Истерика. Настоящая. Классическая. Размахнулась и вlepила Стасу затрещину. Помогло. Глаза обрели осмысленное выражение.

– Этого я тебе никогда не прощу!

Но лег, и пополз, и на руках повис, и прыгнул вниз. Я быстро проделала тоже самое. Страшно было только в тот момент, когда надо было руки отпускать, а ноги-то земли не касаются, сколько лететь придется неизвестно. Но точно знала, Никитос поймает. Поймал. А Стас уже упилил вперед. Молча побрели за ним.

Впереди уже синело море. Мы почти спустились. И тут увидели третий обрыв. Больше первых двух. Вместе взятых. Под отрицательным углом он уходил вниз метров на десять. Спрыгнуть

– переломаешься об острые камни, наверх уже не вскарабкаться, орать бессмысленно, наши не услышат, далеко.

Стас сел на землю, обхватил голову руками и завыл. Я заткнула уши, слышать это было невыносимо. Никита схватил друга за плечи и встряхнул:

– Будь мужиком! Сейчас что-нибудь придумаем. Стас! Да ты что?!

С земли не встал, но вой прекратился, и на том спасибо. Обошли площадку. С краю рос куст, тот самый, колючий.

– Вполне приличный. Должен выдержать. Стас, снимай штаны и куртку.

– А трусы тебе не снять?

– Может, придется и трусы...

В нас полетела сначала куртка, потом треники. Внесла предложение:

– А верх от купальника пригодится? Здесь веревочки вроде прочные...

Никита мотнул головой:

– Пока не надо. Там посмотрим.

– На что посмотрим? – встрепенулся Стас, – На Маринкины буфера? Как тогда ночью, да? Я видел, как ты на нее пялился! – покраснела до корней волос, господи, как стыдно!

– Вломить бы тебе, – беззлобно пробурчал Никитос, – но сначала спуститься надо.

Он вытащил веревку из пояса штанов. Привязал хитрым узлом к кусту, на другой конец прикрепил одну брючину, ко второй привязал рукав куртки. Получилось нечто, метров на пять, если на ней повиснуть, останется метра три до земли, уже не так страшно.

– Значит так. Я пойду первым, за мной Марина, последним пойдешь ты, Стас!

– Щас! Эта хрень разорвется сразу. Первым пойду я. А вы тут разбирайтесь, как хотите.

И он, схватившись за импровизированную веревку, сполз, скрывшись за краем обрыва. Пара секунд, звук падения и я вижу, как мой почти что муж, прихрамывая, не оборачиваясь, уходит вперед... из моей жизни. Как в замедленной киносъемке вижу его еще сегодня утром родную спину, волосы, развевающиеся на ветру. Больше ничего не вижу, он скрылся за поворотом. А по щекам неостановимо текут слезы. Они даже не туманят взгляд, просто текут.

– Мариш. Он не в себе. У него шок, так бывает. Все наладится...

– Я-то, Никит, в себе. Нечему налаживаться. Давай спускаться. Ты или я?

Никита стал спускаться, и штаны с треском разорвались пополам. Он сумел сгруппироваться, перекатился через плечо и встал на ноги. У меня шанса спуститься не осталось. Да какая разница.

– Иди к лагерю. Веревку какую-нибудь принеси. Я подожду.

– Нет. Скоро стемнеет. Мариш, прыгай, как в прошлый раз. Я поймаю.

– Оба покалечимся, иди Никит.

– Ты прекрасно знаешь, без тебя не уйду.

Мне было не страшно, не больно, ни холодно, ни жарко, мне было все равно. Как-то все стало неинтересно.

Сзади послышался какой-то грохот. Сначала казалось, что это раскаты далекой грозы, но грохот нарастал, по руслу пересохшей реки что-то несло на нас, то ли камни, то ли вода, откуда ей тут взяться?

– Беги! Ты успеешь!

– Прыгай! Ловлю! Это приказ!

В секунду легла на живот, повисла на руках и полетела. А Никита в эту же секунду всунул руки в рукава куртки и выставил ее перед собой. Мне казалось, что падаю я целую вечность, но он поймал. В куртку, как в пожарный брезент. И у нас было ровно одно мгновение откатиться

под обрыв, потом над головой пронесся поток камней и грязи и, слегка обрызгав нас, умчался к морю. Все стихло.

– Стаса не зацепило, как думаешь? – я лежала на куртке под Никитой. Он накрыл меня своим телом.

– Думаю, нет. Как ты?

– Не знаю. А ты?

– В порядке. Почему не знаешь?

– Пошевелиться не могу. Ты на мне лежишь.

– Прости, – он поспешно встал.

– Простить за то, что спас мне жизнь?

– За то, что не остановил, не пресек идею в корне, не взял с собой никакого снаряжения.

– Ты еще прощения попроси за то, что аборигены съели Кука.

– Смешно.

– Обхохочешься.

К палаткам мы пришли на закате. По дороге встретили Дрона с Лелькой, которые бежали нас выручать. Стас живой и невредимый сидел у костра.

–

Какой сумасшедший последний вечер, пойду поплаваю, – я поплелась на берег, сидеть рядом со Стасом была не в состоянии. «Море! Вот оно как!». Больше слов не было. Вошла в теплую, соленую воду, то, что она соленая напоминала каждая царапина, коих было множество. Тело саднило, потом я просто перестала обращать на это внимание и поплыла. Вода казалась тягучим желе, каждым взмахом я резала ее, продвигаясь вперед. Сзади раздались крики, Дрон звал меня. Лениво оглянулась, увидела, что мне машут руками со скалы от нашего кафе «Лунная дорожка», а по берегу бежит, на ходу скидывая рубашку Никитос. Вот он бросился в воду и поплыл ко мне размашистым кролем. Что не так? «Дельфины», –

донеслось со скалы. Присмотрелась повнимательней, и в бликах закатного моря разглядела стаю дельфинов, которые плыли вдоль берега прямо на меня. Что испытала? Радость.

Но еще до того, как первый дельфин проплыл в метре от меня, рядом оказался Никитос.

– Тебе не надоело меня спасать?

– Нет.

– Спасибо.

– За что?

– За нет.

Мы смотрели друг на друга и улыбались, а вокруг, то справа, то слева, вода вскипала от очередного выпрыгнувшего дельфина. Мои ноги и руки касались их скользких, но совсем не страшных спин. Один дельфин остановился и высунул свою улыбающуюся морду прямо между нами. Не знаю, что на меня нашло, но я потянулась его поцеловать, а он, шалун, ушел под воду. Я же по инерции поцеловала Никиту. И он ответил на поцелуй. Да как! Я забыла, как дышать. Никогда со мной такого не было! Дельфины давно уплыли, а мы все болтались в воде, не в силах оторваться друг от друга. Наконец, доплыли до берега и появились у костра. Стас, видимо, ушел. Лелька сидела, не поднимая на нас глаз, а Дрон пел:

Вина твоя,

Вина твоя,

Что надвое,

Что надвое

Судьбу твою сломали ротозеи.

Жена твоя,

Жена твоя,

Жена твоя и лучший из друзей.

А все вокруг Как будто за,

И смотрят ласково в глаза, И громко воздают тебе хвалу.

А ты добыча для ворон,

И дом твой пуст и разорен,

Лишь гривенник пылится на полу...

– Как вы могли? – Дрон так ударил по струнам последним аккордом, что струна лопнула, – Что ты наделала, Ягода?

– Она не причем. Моя вина, – Никита загородил меня от брата. Напрасно. С братом мы всегда разберемся.

– С тобой отдельный разговор. Ты ей жизнь сломал, это ты понимаешь?!

– Он мне жизнь спас. Много раз за эти дни. Это ты ничего не понимаешь, Дрон. Не знаешь и не понимаешь. Мы еще вернемся к этому разговору потом. Дома. А сейчас молчи, чтоб потом стыдно не было.

– Мне стыдно?!

– Тебе! Тебе! И, кстати, сплю я сегодня с вами.

– Это еще что за новости?!

А Леля просто встала, обняла меня за израненные плечи и повела в свою палатку. Дрон поплелся следом, что ему оставалось.

На рассвете тихонько выскользнула из палатки, и побежала к своему камню. Еще не дойдя до пляжа, знала, Никитос там. Он действительно был там. Сидел и смотрел немигающим взглядом на море. Сколько он так просидел? Всю ночь? Камень большой, двоим места хватит. Села рядом. Он головы не повернул, только спросил:

– Тебе не холодно?

– Нет. Камень теплый.

Мы сидели и молчали. И могли бы так просидеть вечность.

Просто рядом. И не надо слов. Но все же, слова у него нашлись:

– Я ничего не могу тебе дать, Ягода.

«Разве я у тебя что-то прошу», – могла бы ответить, но промолчала.

– Даже если встану на уши, у меня не будет столько денег, как у Стаса.

«Не надо стоять на ушах. Неудобно».

– У него блестящие перспективы, а у меня сомнительное прошлое и очень напряженное настоящее.

– В каком смысле напряженное?

– Я трех друзей похоронил, – процедил сквозь зубы.

«Я буду молиться за тебя», – подумала, а вслух спросила:

– Ты меня любишь?

Он посмотрел на меня так отчаянно! И отвернулся.

– Нет.

Встал и ушел, не оглядываясь.

«Врет!» Сидела и улыбалась. Вот и первое признание в любви. Другого не надо.

«Море! Я не врала тебе. Я, правда, любила Стаса. Я и теперь его люблю. И буду любить всегда, как брата, как друга. Нет. Скорее, как брата. И он меня любит, как сестру. Только не понимает этого. Мы с ним все перепутали, приняли одну любовь за другую. Так бы и было, если бы не ты. Если бы не эти безумные дни и события. Спасибо тебе. Ты подарило мне Никиту. Оказывается, можно любить так, что дышать больно, когда он рядом. И я точно знаю, он не предаст, не бросит, спасет, поддержит. А я его. Понимаю, что делаю больно многим людям, Дрону, родителям, тете Нине, дяде Толе. Они еще с этой свадьбой потратились... Но как хорошо, что

все прояснилось сейчас, не через годы, когда страдали бы еще и наши дети. Ведь все равно все бы кончилось, как только мы повстречали бы настоящую любовь. Хорошо, что сейчас. Я очень хочу, чтобы Стас тоже был счастлив. Только пусть в походы не ходит. Все перемелется, правда, море?»

На следующий день мы были в Москве. – С отцом сама говори.

Стас, как всегда, бросил на амбразуру меня. И вот я стою перед лицом «очень солидного человека», дяди Толи. А он мечет грома и молнии:

– А я сказал, будет свадьба!!! Девчонка! Ты думаешь, жизнь из подвигов состоит? Нет! Она из мелких житейских проблем. Где взять денег на еду, на шмотки, на отдых, на здоровье, на старость твоим родителям! Как и на что дом построить, детей родить и поднять. Вот что такое жизнь. И все это у вас со Стасом есть. От такого не отказываются, Ягода! Ты слышишь меня?! А из пожара пусть выносит Никита, на то он и спасатель. Это работа у него такая, спасать. Ему за это деньги платят. Только пожара у вас не будет! Потому что проводка будет хорошая. Ты поняла? Поняла?! – Хорошо. Я поняла. Только ответьте мне, дядя Толя, на один вопрос. Вы можете себе представить, что тетя Нина живет с Вами ради хорошей проводки, а любит всей душой какого-нибудь пожарного Ивана? Хорошо Вам будет?

Грозный солидный человек тяжело опустился в кресло и прорычал:

– Уйди с глаз моих! – а когда я была уже в дверях, устало бросил, – Свадьба отменяется.

Поехала не домой, в Электросталь. Вбегаю в подъезд, поднимаюсь на шестой этаж, а там из квартиры выходит тетя Люда.

– Ягодка! Как хорошо, что ты приехала. Расскажи мне, что у вас там произошло? Никитка приехал, на нем лица нет. Молчит. Все целы и здоровы?

– Все хорошо, тетя Люда. Все очень хорошо.

– Знаю, у тебя свадьба скоро. Поздравляю тебя и Стаса.

– Спасибо. Только не Стаса, а Никиту.

– Как Никиту. Какого Никиту?

– Нашего с Вами Никиту!

– А свадьба когда? – Никитос, стоял в глубине коридора.

– Не знаю когда, назначай!

Мы смотрим друг на друга. И все понятно. И не надо слов!

P.S. Через два года Стас женился. Наши родители по-прежнему дружат. Не было дня и ночи, чтоб я, хоть на секунду, пожалела о своем решении.

Мал золотник, да дорог

Как всегда опаздываю! У папки я обещала быть в шесть. Он с Леночкой, его второй женой, моей мачехой-подружкой, сегодня идут в театр, а я вызвалась посидеть с Митюхой, пятилетним братишкой. Думала, что освобожусь гораздо раньше, но коллоквиум все никак не заканчивался, и теперь приходится не чинно вышагивать со скоростью потока, перетекающего по переходу с одной ветки метро на другую, а мчаться, вклиниваясь в малейшие зазоры между людьми, стараясь не сильно пихаться. Ничего не поделаешь – московский час-пик развлечение не для слабонервных! Как на грех, переход был длиннющим, и в какой-то момент краем глаза заметила, что рядом несется парнишка. Мелкий. Я на таких внимания не обращаю. При моем метре восьмидесяти, все кто ниже ста девяносто, сразу попадают в категорию «мелочь пузатая». Куда бы ни спешил этот парень, я спешила больше, так что включила «следующую скорость» и пошла в отрыв. Удивительно, но малыш не отставал. Ну, лети, птаха, резко сбросила скорость. Он тоже притормозил. Посмотреть на него что ли, да ну, много чести!

На платформе толпа турбулентно ввинчивалась в двери прибывшего поезда, теперь мысли сосредоточились только на том, что должна оказаться в этом составе. Тогда у моих будет шанс попасть в театр, хотя бы с третьим звонком. Простите, люди! В вагон я влезла. Наверное, скоро в нашей подземке появятся такие служащие, как в Японии, впихивающие народ в поезд. Без них вот у той растерянной старушки, что промелькнула в окне вагона, нет ни единой возможности доехать куда-либо. Интересно, какой по счету состав она пропускает?

При выходе тоже пришлось поработать локтями. И вот я на улице. Мчусь на всех парах! И что же вижу – коротышка не отстал! Ничего себе! Любопытство победило, я-таки повернула голову в его сторону. Парень, как парень. Бежит рядом и улыбается. Псих какой-то!

– Я готов! – ну, вот, и говорит, как псих.

– Поздравляю!

– А к чему я готов, Вас не интересует?

– Ни в малейшей степени.

– Странно. Вообще-то это Вас напрямую касается...

– Главное, не касайтесь меня!

– Я готов на Вас жениться прямо завтра, сегодня уже в ЗАГС не успеем.

Что за бред! Даже остановилась, но тотчас побежала вновь. Лучше промолчу, вдруг он буйный!

– Прекрасно понимаю, Вы не такая девушка, к которой можно подойти с несерьезными намерениями. Мои намерения серьезней некуда...

– Вот уж, действительно, дальше некуда!

– Не с того начал, да? Надо было сначала про погоду и природу. Но Вы так торопитесь...

Вдруг бы не успел сказать главного! Мы идеальная пара! Что делать, если ты это еще не поняла?

– Ага! Уже на ты! Ладно. А ты, конечно же, так сразу и догадался?

– Практически. Секунд через 20.

– 20 секунд колебался! А-я-яй! Значит, никакая мы не идеальная пара. Ты должен был пасть сразу же, пронзенный стрелой Амура, и валяться там в переходе.

– Раньше. Еще на Фрунзенской, где ты вошла.

Ого! Ему удалось заставить меня еще раз посмотреть на него. Вот же рыба-прилипала!

– Ты Блока читала, – да, в метро я иногда читаю Блока, маленький синий сборничек – мой верный попутчик, – и шевелила губами. Дай, угадаю что... «Я рассердился больше всего на то, что целовались не мы, а голуби...

– ...И что прошли времена Паоло и Франчески», – вынуждена была признать я.

–

Я тоже люблю это стихотворение. Хотя, согласишься, любовь Франчески да Полента и Паоло Малатеста не самый лучший образчик для подражания.

– Если честно, ничего о них не знаю. Для меня это было всегда просто прекрасным аккордом – «Паоло и Франческа».

– Не вопрос, расскажу!

в К сожалению, не получится. Я почти добежала. Мне вон в тот дом, – хм, неплохо было бы, если папка жил чуть подальше. Авось, успела бы послушать интересную историю.

– Я счастлив.

– Что больше бежать не придется?

– Что ты сказала «к сожалению»? Ты здесь живешь?

– Нет.

– Значит, ночевать тут не собираешься?

– Нет.

– Замечательно. Расскажу тебе о них на обратном пути.

– Не стоит. Я выйду очень, очень, очень поздно.

– Безусловно, стоит! Ты, главное, выходи. Не сочти за праздное любопытство, но как тебя зовут?

Уже вбегая в подъезд, бросила на ходу:

– Не Франческа!

– Слава богу! – расслышала, пока закрывалась тяжелая входная дверь. Улыбнулась.

Папа с Леночкой, давно одетые, топтались на пороге, Митюшок радостно прыгал по лестничной площадке:

– Я первый тебя в окошко увидел! Я победил!

– Победил, победил. Сейчас церемонию награждения проводить будем. Бегите скорей, удачи!

Двое галопом понеслись навстречу прекрасному, а мы с братишкой остались предаваться запрещенным удовольствиям – заказывать пиццу, играть в карты и домино, причем на деньги, это мое ноу хау, зато Митька стал считать просто виртуозно. А потом забрались с ногами на диван и смотрели мультики, получая одинаковое удовольствие от мелькания черепашек-ниндзя на экране.

– Вот не пойму, это я такая глупая, или ты такой умный? Почему если что-то нравится тебе, то это нравится и мне? А?

– Ты очень глупая, – утешил меня брат, – мы с тобой похожи, потому что мы родственники. Понятно?

– Но раз я глупая, то и ты тоже, – отомстила я, – мы же родственники!

– Вообще-то ты не очень глупая...

– Да Вы, сударь, умнеете прямо на глазах!

Митюшка подбежал к зеркалу и вернулся разочарованным.

– Ничего у меня на глазах нет.

– А что ты там думал обнаружить?

– Ум.

– Ах, ты моя птица Говорун!

– Почему птица?

– Потому что умна и сообразительна. Черепашки подождут. Давай, посмотрим «Тайну третьей планеты».

– Про Землю что ли?

– Нет. Почему ты решил, что про Землю?

– Ну, Земля же третья планета от Солнца.

– Да ты, прямо, ходячая энциклопедия.

– Прямоходячая? А какая еще бывает?

– Кривоходячая.

– Это как?

– Да вот так, – я скрючилась и прошлепала по комнате.

– Я тоже кривоходячая энциклопедия, – и братишка так скособочился, что я захохотала.

Дурачились, смеялись, валялись. Потом играли в акулу. Так у нас купание проходит. Он акула, а я туристка, которая пришла покупаться в океане. В этот раз так расшалились, что рука была искусана чуть не до синяков.

– Ну, Дашечка, я же акула! Хорошо, что не откусил вовсе.

– Вот спасибо, Митюшечка. Только я сейчас из этой акулы котлетки сделаю.

– Не делай из меня котлетки, Дашечка, меня акулята ждут.

– Давай, вылезай, акула-каракула, отнесу тебя в кроватку к твоим акулятам.

Вытерла братишку, почитала ему перед сном, уложила спать и подошла к окну. Надо же, а за окном-то дождь стеной. Как мои домой доберутся? Зонтики они точно не взяли. А я как? Ну, ясно, тут зонт одолжу. Ой! Интересно, а пацан этот до сих пор у дома маячит? Не видно ничего – темно, дождь... Да ушел, конечно, и думать нечего.

Около полуночи приехали папа с Леной. Думала, посидим, чайку попьем, но папка заторопился:

– Дочь, поздно уже, завтра тебе в институт, мне на работу...

– Даже впечатлениями не поделитесь?!

– Ты же знаешь, театр это не мое. Если б Ленчика не надо было выгуливать, я б туда не ногой.

– Не слушай, отца, – встряла мачеха, – чудесный спектакль. Обязательно сходи при случае. И ты, дорогой, хохотал, как сумасшедший, между прочим.

– Ну, Аронова, она и есть Аронова. И потом я же не сказал, что мне не понравилось, я сказал, что не пошел бы...

– А разве это не одно и то же?

– Конечно, нет! Просто, чтоб повеселиться у меня Митька есть, да и с вами обеими не соскучишься. Дашка, сам не отвезу, мы в буфете шампанского хлопнули, давай, такси вызову.

– Папка, зачем такси? Автобусы пока ходят. Ты проводишь, мама встретит.

– Ну, лады. Звони и пошли.

Вышли из подъезда, завернули за угол. Дождь перестал, в небе светили яркие звезды, мы шлепали по лужам, я рассказывала, чем занималась с Митюхой.

– Прекращай его учить играть на деньги! Он в детском саду, представляешь, подпольный карточный клуб организовал. Ленка чуть от стыда не провалилась, когда ее воспитательница отчитывать начала.

– Зато считает он лучше всех.

– Это да... Вон автобус твой. Поднажмем!

Мы помчались, где-то далеко за спиной слышен был топот бегущих ног, видимо, тоже торопились на автобус. Запрыгнула в закрывающуюся дверь:

– Там еще кто-то бежит, подождите, пожалуйста!

– Не положено, – буркнул водитель, выжимая педаль газа. Прошла в конец салона, чтоб быть подальше от этого

злого дядьки, заодно папке помашу. И тут увидела, что за автобусом несется тот парнишка, знаток Блока, я и думать о нем забыла! Автобус набрал ход, догнать его шансов не было. Парень остановился, поднял руки, сцепив их над головой. Так и стоял, пока не скрылся за поворотом. Да, нехорошо получилось. Но с другой стороны, какая разница, у меня с ним все равно ничего общего быть не может. Разве что любовь к Блоку.

Встретили меня мама с Рольфом. Рольф – наш пес, вообще-то он ротвейлер, хоть добродушный, как лабрадор. Но этого же никто не знает, так что с ним не страшно нигде и никогда. Вечер был чудесный, мы еще круг по району дали. Пришли домой. Потом папка позвонил.

– Дочь, доехала? Маме поклон.

– Сам передавай. Включаю громкую связь.

– Бэлка, привет. Тут такое дело... Даш, может не надо громкой связи?

– Ты же знаешь, у меня от вас секретов нет. Пока, во всяком случае.

– Ну, как скажешь. Тут такой кадр нарисовался, тот, который на автобус не успел, он, оказывается, тебя поджидал. Ты его знаешь?

– Нет. Попытался со мной в метро познакомиться, но он не в моем вкусе!

– Почему? – спросила мама.

– Мам, он меня на голову ниже!

– Положим, не на голову, но я так и сказал, что его шансы завоевать твое сердце малы.

– Коля, ты с ним разговаривал?

– Это он со мной разговаривал, Бэла.

– Пап, а почему ты не сказал, что ты мой муж, например?

– Да чего-то не сообразил. Он спросил: «Вы отец этой девушки?» Я ответил: «Да».

– Эх, ты!

– Так вот, он сказал, дословно: «Я не спринтер, я – стайер, в случае с Вашей дочерью, готов перейти в категорию марафонцев».

– Точно не спринтер, иначе автобус бы догнал!

– Дочь, его бы даже Усейн Болт не догнал! Я спрашиваю: «Ваши планы?», он отвечает: «Исключительно matrimониальные».

– Как романтично! Коль, ты дал ему Дашин телефон?

– Нет, конечно! Но кой-какую информацию сдал...

– Пап?!

– Ма-а-аленькую. Он спросил, ты на Фрунзенской живешь, или учишься. Я сказал, что учишься. Это все!

– Ну, ладно. Тогда живи.

– Эх, Дарья, родного отца запугиваешь! А парень-то неплохой. Кстати, его Давой зовут.

– Как?! – мы обе уставились на телефон.

– Дава, то есть Давид.

– Он с Кавказа, что ли?

– Нет, Бэла, наш московский еврей.

– Еще и еврей!

– Дашка! Откуда в тебе столько комплексов и предрассудков?! Прикольный пацан, правда.

– Да ну тебя. Все, папка, все. У меня Денис на второй линии, и, схватив телефон, побежала разговаривать на балкон.

Денис моя несбыточная мечта. Впрочем, не только моя.

– этого двухметрового атлета с роскошной гривой русских волос влюблены, по-моему, все однокурсницы и девчонки с других курсов тоже. Мама про таких говорит, альфа-самец. Он

прекрасно знает, что неотразим, и умело этим пользуется. Девчонок меняет не просто, как перчатки, скорее, как рулоны туалетной бумаги во время поноса.

Ужас? Да. Но ведь каждая думает, со мной будет по-другому! И наступает на те же грабли. А я с ним просто дружу, ни на йоту не переступая черту приватности. Он это ценит, вот, звонит иногда.

Привет.

Привет.

Колок сдала?

Да.

Даш, дашь лекции на неделю?

Поздравляю, Денни, ты научился каламбурить!

Чего?

Так, проехали, – лингвистические тонкости не по его части,

в на неделю не дам, только до понедельника.

А что так?

Мои лекции, мои условия.

Молодец! Так с нами и надо, с мужиками. Вот займусь я тобой!

Глупое сердце запело, но:

Встань в очередь, когда дойдет, поглядим!

Ох, и штучка ты, Дашка! Ну, принеси завтра, не забудь.

Целую.

Дала отбой, стою и улыбаюсь, как дурочка. Все понимаю, дежурная фраза, но цепляет невероятно! Надо смотреть правде в глаза, да, я влюблена. Но скорее умру, чем покажу ему свои чувства. Интересно, неужели не бывает простой любви, ты любишь его, он любит тебя? Неужели надо все время просчитывать ходы, выстраивать стратегию? Или это только мои заморочки? Подумаю об этом завтра, а теперь пора спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.